

Шабанов Михаил Александрович – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Институт социальных наук, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

УДК 321.7:323.2“20”

ПОЛИТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Данная статья посвящена проблематике формирования особенного пространства развития демократического политического процесса. Политико-антропологические основания кризисности современного демократического процесса выражаются в искажении принципов политического действия-взаимодействия, нарушении имманентных демократическому развитию принципов и закономерностей, монополизации власти, патримониальном способе социально-политической интеграции, дестабилизации политических отношений, сознательном отказе от прогрессивных инноваций. Феномен насилия в политической системе воспринимается как неотъемлемая составляющая развития демократических тенденций. Кризис внедрения демократических инноваций носит латентные, а тем самым, более разрушительные характеристики для общества в целом.

Ключевые слова: демократический процесс, политическое развитие, антропологический фактор, политическая коррупция, кризис, гражданское общество.

ПОЛІТИКО-АНТРОПОЛОГІЧНІ ЗАСАДИ КРИЗИ СУЧАСНОЇ ДЕМОКРАТІЇ

Дана стаття присвячена проблематиці формування особливого простору розвитку демократичного політичного процесу. Політико-антропологічні засади кризовості сучасного демократичного процесу виражаються у викривленні принципів політичної дії-взаємодії, порушенні іманентних демократичному розвитку принципів та закономірностей, монополізації влади, патримоніальному способі соціально-політичної інтеграції, дестабілізації політичних відносин, відмові від прогресивних інновацій. Феномен насилля у політичній системі сприймається як невід'ємна складова розвитку демократичних тенденцій. Криза впровадження демократичних інновацій носить латентні, а тому більш руйнівні характеристики для суспільства в цілому.

Ключові слова: демократичний процес, політичний розвиток, антропологічний чинник, політична корупція, криза, громадянське суспільство.

POLITICAL AND ANTHROPOLOGICAL FOUNDATION OF THE CRISIS OF MODERN DEMOCRACY

The article is deals with problems of formation of the special area of development of a democratic political process. Political and anthropological foundation of the crisis of the modern democratic process are expressed in the distortion of the principles of political action, interaction, violation of the immanent democratic development of the principles and laws, the monopolization of power, the patrimonial method of socio-political integration, the destabilization of the political relations, the conscious refusal of progressive innovations. The phenomenon of violence in the political system is perceived as an integral component of the development of democratic tendencies. The crisis in the implementation of democratic innovation is a latent, and thus, more destructive characteristics of the whole of society.

Key words: democratic process, political development, anthropological factor, political corruption, crisis, civil society.

Актуальность научной публикации определена особенностями развития демократического политического процесса в реалиях современной политической системы и общества. Кризисные явления во внедрении демократических новшеств имеют различную почву, в том числе основанную и на теневых, латентных, архаичных аспектах. Кризис при внедрении демократических новшеств часто следствие революционных процессов.

География распространения демократии предельно обширна. Сам феномен демократии неоднозначен в своих проявлениях. «Западный» либеральный образец демократии предельно растиражирован и имеет под собой значительную многовековую почву и специфическую платформу античного наследия.

Особый интерес для политического исследователя представляет постсоветское пространство, прежде всего, всей многогранностью проявлений политического взаимодействия и прямой демократии, персонализацией политической и государственной власти на различных уровнях, синтезом традиционных и инновационных элементов и т. д. Специфическое измерение развития политических процессов продуцирует определенную систему властного взаимодействия, определенный политический (государственный) режим, а также плоскость для конституирования квазидемократической системы социально-политических и социально-экономических взаимосвязей. Научный анализ усложнен множеством резких несоответствий: положений конституций и реальных политических режимов, формального истеблишмента и реальной теневой элиты, символических и мифологических несоответствий и откровенных казусов внедрения.

Объектом исследования является современный демократический процесс.

Предметом являются политико-антропологические основания кризисности современного демократического процесса.

Цель исследования – парадигмальное переосмысление роли кризисности и ее политико-антропологических оснований в развитии современного демократического процесса.

Демократия является одной из базовых форм политической самоорганизации общества. Как явление многогранное демократия представлена первоочередно в двух основных исходных измерениях – политико-культурном и политико-процессуальном. Политико-культурное измерение является первичным, поскольку охватывает комплекс потестарных символов, первоочередных ценностных установок, обширный спектр мифологем и идеологем и т. д. Данное измерение укоренено в менталитете конкретного племени, этноса, народа, нации. Политико-процессуальное измерение представляет собой поэтапную реализацию политических решений. Интенсивное и плотное взаимодействие различных интересов и ценностей стимулирует данное измерение.

Так, Л. А. Нудненко отмечает, что «демократия как политический процесс представляет совокупность определенных институтов, процедур и принципов управления, обеспечивающих функционирование всей системы в соответствии с принципами народовластия. Демократия как политическая ценность, политическое мировоззрение не может быть реализована вне правового государства, без четко разработанных правовых норм, регулирующих отношения собственности, производства и распределения, взаимоотношения индивидов между собой и государством» [9, с.12]. Ю. А. Красин в статье «Государство и общество: сдвиги во властном поле» отмечает тенденции к возрождению явления прямой демократии в своеобразной ситуации публичной рефлексии [4]. Необходимо четко представлять условия потенциальной «публичной рефлексии» и ее ориентацию на революционный либо инерционный тип социально-политического развития общества.

Первостепенным вопросом является вопрос качества политической власти, а так же ее высших носителей. По мнению немецкого исследователя Н. Галины: «С одной стороны, политическая власть в восточноевропейских и центрально-азиатских государствах постсоветского пространства организована по принципу таких формальных основ, как президентская система, а с другой стороны – она отличается индивидуальными методами реализации власти и конкретными стратегиями. Что касается формальных основ политической власти, в Восточной Европе и Центральной Азии – представления о том, что страной должен править «сильный» президент, сформировались в процессе становления президентской системы после распада СССР в 1991 году» [12, с.247]. Кроме того, «после распада СССР в государствах постсоветского пространства президентскую систему ориентировали, как правило, на личность руководителя» [12, с.248]. В работе

«Персоналистский режим в России. Опыт институционального анализа» М. Краснов подчеркивает, что полное отсутствие зависимости реальной политики от результатов парламентских выборов, отсутствие сакральной легитимности у лидера страны, сосредоточение политической власти в руках института-личности, дискредитация демократических институтов, разложение институтов государственного принуждения, «подковерная» конкуренция кланов, во-многом, является характерной чертой персоналистских тенденций на данном уровне властной вертикали и полномочий. Деятельность института-личности находит опору в бюрократии, которая сосредоточена на удалении с политического или экономического поля нежелательных и «несанкционированных» фигур [5]. Кроме негативных особенностей, персоналистский режим и соответствующие тенденции способствуют пролонгированию экономической стабильности на определенный срок. Власть «вождя» действует при слабо выраженном формальном ограничении. Безусловно, удачным примером служит фигура действующего Президента Беларуси. Политическая система практически полностью находится в зависимости от личности А. Г. Лукашенко, ориентируясь на созданную им вертикаль политической интеракции (а так же предельную концентрацию всех трех ветвей власти в руках президента).

Изначальная «личностная» ориентация носила ярко выраженный искаженный характер. Она закладывала, на наш взгляд, особый ракурс восприятия, направленный на умозрительное упрощение института президентства как такового, а в дальнейшем – формирование автономных клиентарно-патронажных сетей во властной вертикали. Фигура президента тем самым приобрела характеристики неустойчивости, зависимости с одной стороны, от прямого одобрения масс на уровне иррациональных «личностных качеств» и наличия харизмы как таковой, с другой - от рациональных по своей природе теневых факторов влияния. Центры патронажно-клиентарных сетей играют роль центров фактического контроля над политической ситуацией. Исходя из этого роль народных масс заранее скоординирована в направлении необходимого политического выбора. Такие специфические конструктивные образования выступают буфером между условно независимыми государством и гражданским обществом. Они априори выгодны государству вследствие экономии сил по организации необходимого социально-политического взаимодействия, исходной стабильности, «условно» выгодны гражданскому обществу по причине отсутствия внешних проявлений насилия и отсутствия образцов прямой конфронтации под непрямым контролем теневых центров власти, координации и социально-политического, экономического арбитража. В результате проявляется патрон-клиентный либо патримониальный способ социально-политической интеграции. Тандем влиятельного «патрона» и его фактического «клиента» часто в лице действующего политика (бюрократа) является специфической особенностью политического взаимодействия на постсоветском пространстве. Характер такой интеракции исключает потребность во внедрении демократических принципов в действующий алгоритм. Как закономерный результат, формируется целая система своеобразных властных «вертикалей» в пределах государства и гражданского общества. Преимущественно они закрыты для «инородных» элементов, которые есть следствие именно демократических изменений.

Исследование демократических изменений в современных условиях усложнено влиянием исключительно инвариантных составляющих в процессуальной плоскости. Относительность сугубо демократических проявлений объясняется их инертностью в априори инородной среде, отсутствием необходимых связующих звеньев в предложенных «реальных» социальных условиях. Такая тенденция объясняется закрытым характером современных властных слоев, превращенных в элитарные клубы, а так же необходимостью предотвращать упадок существующих социальных и политических институтов для поддержания плоскости стабильного «доминирования» политических акторов. То есть любые революционные переходы к демократическим принципам не оправданы ресурсными сверх затратами и возможным выходом из состояния баланса политической системы.

Длительное реформирование существующих политических институтов так же не приносит необходимого результата, поскольку происходит имманентное деформирование первоначальных целей и способов их достижения. Возникает вопрос об адекватности применяемых политическими субъектами методов реформирования, их гипотетически возможной замене на более революционные.

Политико-антропологические основания кризисности современного демократического процесса выражаются, прежде всего, в искажении принципов политического действия-взаимодействия, нарушении имманентных демократическому развитию принципов и закономерностей. Все это способствует развитию теневых процессов вне контроля государства, а так же вне институтов гражданского общества. Кроме того, подобное положение априори искажает цели демократических преобразований, снижает политическую активность граждан, продуцирует разбалансированность в политических отношениях. Традиционалистские и религиозные вызовы, которые испытывает на себе многогранный и многоаспектный по сути демократический процесс, обеспечивают стабильность положения реальной властной элиты даже в условиях перманентного социально-экономического и политического кризиса в обществе. Тем более, что сама его «перманентность» часто продуцируется с целью дестабилизации существующих политических взаимосвязей, реализации экономического интереса. Объективная необходимость в представительстве интересов населения, создании разветвленной властной вертикали продуцирует девиации в деятельности бюрократического аппарата, а также институтов гражданского общества [3]. Представительская форма демократии направлена на воспроизведение всего спектра негативных проявлений антропологического фактора во влиянии на развитие политических процессов.

С другой стороны, феномен прямой демократии наиболее полно демонстрирует продуктивную реализацию так называемого антропологического фактора (архаизации демократического процесса). Цивилизационно и исторически он характеризовал уникальный путь политогенеза. Следует отметить, что частный отказ от прямой демократии в современных условиях приводит к пролонгированию тенденций открытого наступления на права рядового гражданина и избирателя вне корпоративных и кланово-олигархических группировок. Последние обладают исключительным правом доступа к рычагам управления бюрократическим аппаратом, а значит существенно компенсируют любые ресурсные затраты, свободно их восполняют, приобретая приоритет в принятии даже наиболее дискуссионных политических решений. Государство практически не создает необходимого поля для реализации сугубо гражданской активности [1]. Любое проявление гражданской инициативы граничит в таких условиях с нарушением общепринятых для постсоветского политического пространства норм поведения. Существование широких возможностей для реализации собственных избирательных прав остается только частью формальной плоскости развития современного политического процесса. В целом же принцип делегирования функций принятия государственных решений так называемым элитарным слоям общества, обладающим мощным экономическим потенциалом, а значит – широкими политическими возможностями прямого и опосредованного влияния, уменьшает гипотетическую возможность улучшения существующего соотношения по линии «действующая власть – политическая оппозиция». Е. В. Лисеенко в частности отмечает, что в условиях отсутствия легитимности политических институтов в массовом сознании населения власть вынуждена обращаться к давно известным технологиям обеспечения самолегитимации. Их использование ограничено в демократических обществах, однако распространено в автократических и транзитных обществах. Разновидностями таких технологий являются, во-первых, технология, основанная на «демонстрации преданности» (например, «преданность реформам», независимости, революции, политической стабильности); во-вторых, технология культивирования отсутствия альтернативы, своеобразного политического варианта «другого не дано»; в-третьих, технология легитимации политики власти деятелями науки и искусств, публичными интеллектуалами. Но ценность самолегитимности политических институтов

власти находится не в доминанте, а на периферии институциональных изменений [7]. Е. В. Реутов в статье «Трансформация легитимационных практик региональной власти в условиях экономического кризиса» в частности отмечает: «Реализация патерналистской модели управления, базирующаяся на персональном и инструментальном основаниях легитимации, поддерживается наличием высоких ожиданий от власти, неизбежных в условиях высокого удельного веса экономически несостоятельного населения, людей с низкими доходами. Соответственно, базовой предпосылкой легитимации в данных условиях является способность власти формулировать и реализовывать программы и проекты по обеспечению социоэкономических и иных ожиданий населения. Причем сохранение значительной дистанции, отчуждения между властью и сообществом способствует закреплению в региональном сообществе пассивных моделей адаптации, при которых вся полнота ответственности за ситуацию, за уровень жизни населения возлагается гражданами исключительно на власть. Однако на дескриптивном, а не нормативном уровне россияне демонстрируют крайне низкий уровень надежды на помощь и поддержку государства. Таким образом, в социальных практиках и установках россиян достаточно устойчивые патерналистские ожидания, свойственные, прежде всего, представителям старших поколений, сочетаются с тенденцией к дальнейшей автономизации, от государства. Однако данная тенденция развивается не в сторону развития гражданского общества, а, скорее, в укрепление микросоциальных сетей, опоры, прежде всего, на родственников и друзей» [13, с.81]. Условная демократия микросоциальных сетей нивелирует все чужеродные принципы и установки до «безопасного» уровня самовыживания и воспроизведения. Исчезает грань различия между формальными и неформальными взаимодействиями, возникают адекватные среде синтетические управленческие структуры.

Демократическое противостояние в границах свободной конкуренции переходит в многоаспектное противоборство по линии «свой – чужой», обладающее качеством сбалансированности потестарного либо традиционного сообщества, не выходящее за пределы нормы социально-политических взаимоотношений между субъектами при условии относительно стабильной социальной структуры общества, с максимально ограниченными возможностями для вертикальной социальной мобильности, а также перечнем реально действующих социальных лифтов. Столкновение по данной линии фактически носит одновременно и дестабилизирующий и организующий характер в зависимости от действия целого ряда факторов. В частности оно упрощает формирование властных структур, разработку политических программ, подбор кадров и т. д. Важно подчеркнуть, что насилие как первичный признак развития демократических тенденций в политической системе в данном русле воспринимается как неотъемлемая составляющая. В частности это касается различного рода столкновений во время митингов между враждующими политическими партиями и организациями, властью и оппозиционными силами, которые объективно представляют всего лишь вершину глубинного конфликтного противостояния «в тени». Насилие чаще используется в качестве своеобразного «отвлекающего маневра», реже, в качестве пути кратковременного разрешения внутренних социально-политических противоречий.

Эскалации напряжения в обществе способствует излишнее акцентирование внимания избирателя на недостатках самой системы избрания властной элиты, в то же самое время вне контекста для рассмотрения остаются отдельные технологические моменты влияния на политический выбор граждан, который является результатом длительного процесса манипулятивного воздействия. В статье «Политическое влияние информационного общества» А. А. Силенко подчеркивает исключительную роль технологий манипулирования сознанием граждан в современном демократическом обществе. Фактически речь идет о внедрении заранее сконструированных «образов» в сознание индивидов, которые беззащитны перед данным процессом [14]. Именно данные технологии манипулирования способствуют созданию двойных стандартов во внедрении демократических новшеств на уровне их непосредственного восприятия гражданами. Искусственные образцы

автоматически «накладываются» на реальные, существенно внешне корректируя их внутреннюю архаическую сущность [9].

Для планомерного влияния антропологического фактора на искажение демократических принципов необходимо определенное пространство. Пространство в подобных условиях исполняет роль функционального придатка и источника получения различных ресурсов. Получение ресурсов – главная цель действующих политических субъектов. Пространство имеет условный характер, синтезируя в себе территорию, среду и совокупность устойчивых социально-политических взаимосвязей. Правильно выбранное пространство политической интеракции выстраивает вектор развития демократического процесса. Конкретными и определенными являются ресурсы, получаемые от владения синтетическим и «условным» пространством. Ряд характерных его черт инвариантны и статичны в собственном существовании. Однако динамическая составляющая максимально проявляется именно в подобном контексте. Соотношение реального социального (политического) статуса и пространства обеспечивает максимальную реализацию так называемого иерархического инстинкта, то есть включаются абсолютно биологические механизмы политического действия – взаимодействия. Их глубинный характер не дает возможности скорректировать действия по своевременному преодолению потенциально губительных тенденций социально-политической девиации даже на начальном этапе. Девиация приобретает всеобщий характер, вовлекая новых участников.

Непосредственно на процесс влияет кризисный менталитет и ограниченная способность большинства адаптироваться в априори нестабильных и непрогнозируемых условиях перманентного политического противостояния. Наименее «устойчивая» часть большинства превращается в орудие политической борьбы. В тоже время отдельные политические образования активно развиваются именно в условиях развертывания внешней борьбы между культурными, этническими, конфессиональными и другими меньшинствами. Этому способствует специфическое положение носителей так называемой дискреционной власти. Сама возможность распределения различных ресурсов приводит к девиативным тенденциям в политической деятельности, к негативной вариативности в пределах демократических свобод и имманентного потенциала, частично ограниченных только законодательством государства. Субъектами ресурсного распределения выступают представители бюрократического аппарата государства.

По мнению Е. А. Лазарева, изложенному в статье «Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций», именно создание коррупционных сетей вокруг центров распределения экономических, политических и символических ресурсов способствует формированию определенных политических режимов, а так же протеканию определенных политических процессов, кроме того, фактически влияет на их структуру и динамику [6]. Процесс бюрократизации, сопровождающий развитие демократии в стране, повышает и возможность развития коррупции. Архаический дарообмен превращается в обязательный атрибут коррупционного подкрепления горизонтальных и вертикальных интеракций.

Сама политическая коррупция в условиях априорной кризисности демократического процесса не воспринимается на практике как негативное явление, препятствующее политической интеракции на различных уровнях. Подобный тип коррупции затрагивает верхние уровни, нанося непоправимый вред реализации важнейших задач государственного масштаба, препятствуя социальной легитимации публично-властных решений. Примечательно, что подобная взаимосвязь охватывает преимущественно избирательный процесс как первичный показатель любых качественных демократических изменений в обществе и политической системе. Данный элемент приобретает характеристики структурообразующего и всепроникающего. Демократические институты под его прямым либо косвенным давлением фактически выходят из под контроля гражданского общества. Закономерно нарушается цепь свободных договоров. Основным является нарушение свободного договора между государством и гражданским обществом в целом. Нарушается

равновесие во взаимодействии всех без исключения политических структур. Наиболее жизнеспособные политические структуры начинают конкурировать с государством.

Выводы. Динамика кризисных изменений в рамках существующей политической системы остается достаточно высокой, а сами изменения практически непрогнозируемыми. Существенно усложняет реализацию демократических принципов и установок персонализация действующей власти, сосредоточение политической власти в руках института-личности, дискредитация отдельных политических институтов, разложение институтов государственного принуждения, «подковерная» конкуренция кланов, мифологизация поведения политических лидеров и партий, и, как следствие радикализация настроений масс внутри общества. Следует отметить, что усложнена и диагностика влияния антропологического фактора на деградацию политической системы и демократические изменения в ней. Радикальные демократические изменения способствуют эскалации высокого уровня напряжения и конфликтности в обществах постсоветского пространства. Особенно это касается повсеместного внедрения так называемых «западных образцов» демократических инноваций на почве либерально-демократических ценностных постулатов, обладающих универсальным характером.

Продуцируемый уровень кризисности в рамках демократического процесса на постсоветском пространстве имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Позитивные аспекты, во-первых, выражаются в том, что перманентная кризисность демократических изменений в преобразовании отдельных политических систем и, соответственно, политических и государственных режимов, сигнализирует о необходимости корректировки либо потенциального пересмотра отдельных принципов и используемых политических технологий и методов. Часто причины кризисности заключаются в пренебрежении конкретным алгоритмом в демократическом переходе, попытке сделать акцент на поверхностных элементах. Во-вторых, создают платформу для обновления политических элит. Негативные аспекты выражаются в жесткой поляризации политических сил в обществе, отказе от мирных способов политической борьбы, возможности продуктивного диалога между действующей властью и оппозиционными силами, выдвигании неадекватных требований, в том числе – идеологических, в спектре политической умеренности - радикализма, заангажированности принятия важных политических и законодательных решений, разбалансировке системы официальной власти и административного аппарата в целом, в том числе и путем необоснованного протестного давления. Антропологические основания в современном демократическом процессе продуцируют своеобразную инверсию системы власти, а так же частично политических принципов и ценностей общества, прямо и опосредовано формируют приверженность личности специфическим формам политического самовыражения в условиях дефицита реальных демократических свобод. Прогнозируемыми являются насильственные проявления, своеобразные кратковременные «вспышки» противостояния политически активных групп. Влияние государства на личность опосредовано влиянием различных теневых структур как субъектов реальной политической и экономической власти. Личность может только демонстрировать определенную политическую позицию, практическое претворение тех или иных принципов опосредовано позицией субъектов реального политического влияния и господства в пределах существующей системы разновекторных взаимоотношений. Складывается парадоксальная ситуация, когда круг активных участников политических процессов может быть не ограничен, однако степень влияния большинства из них на демократические изменения в социальной и политической системе остается незначительной. Исключение составляет революционная смена государственной власти: кратковременный период формирования «новой» управленческой элиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Емельянов А. Л. Особенности политического процесса и политических структур на африканском континенте / А. Л. Емельянов // Полис. — 2013. — №1. — С. 142-164.

2. Зубов А. Б. Органические преимущества демократии / А. Б. Зубов // Полис. — 2013. — №2. — С. 40-50.
3. Касаткин В. П. Демократия как государственно-правовое явление: проблемы становления в переходном обществе / В. П. Касаткин, С. Ханнаши // Научные Ведомости БелГУ. — Серия: Философия. Социология. Право. — № 16(71). — 2009. — С. 205-215.
4. Красин Ю. А. Государство и общество: сдвиги во властном поле / Ю. А. Красин // Полис. — № 5 — С. 51-59.
5. Краснов М. А. Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа / М. А. Краснов. — М.: Фонд "Либеральная миссия", 2006. — 180 с.
6. Лазарев Е. А. Политическая коррупция: объясняя природу постсоветских трансформаций / Е. А. Лазарев // Полис. — 2010. — № 2. — С. 106-121.
7. Лисеенко Е. В. Политическая модернизация украинского общества / Е. В. Лисеенко. — Одесса : Астропринт, 2008. — 208 с.
8. Мельник Я. Імітування як компонент соціально-політичного дискурсу / Я. Мельник // Психологія і суспільство. — 2013. — №4 (54). — С. 70-83.
9. Мельвиль А. Ю. «Царь горы», или почему в посткоммунистических автократиях плохие инструменты / А. Ю. Мельвиль // Полис. — 2013. — № 02. — С. 125-142.
10. Нудненко Л. А. Теория демократии / Л. А. Нудненко. — М.: Юрист, 2001. — 95 с.
11. Ніколаєнко Н. А. Адміністративний ресурс: політико-правові проблеми взаємодії / Н. А. Ніколаєнко // Актуальні проблеми політики. — 2011. — Вип. 41. — С. 155-165
12. Политика и личность / под. ред. Й. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. — Х.: Гуманитарный Центр, 2012. — 288 с.
13. Реутов Е. В. Трансформация легитимационных практик региональной власти в условиях экономического кризиса / Е. В. Реутов // Научные ведомости БелГУ. — Серия: Философия. Социология. Право. — 2009. — №16(71). — С. 81-90.
14. Сіленко А. О. Політичний вплив технологій інформаційного суспільства / А. О. Сіленко // Соц. психологія. — 2007. — Спец. вип. — С. 53-61.